

Анна Каминьска (Лодзь)

О способах выражения экспрессивности суффиксальными существительными со значением лица (на материале деловой письменности XVII века)

✦ Ключне речи:
этикет, наименование лица, суффикс, дериват, ласкательный, уничижительный, субъективно-оценочное значение.

Рад представља анализу суфигсалних заједничких именица са значењем назива лица које се употребљавају у језичкој етикецији руских административно-пословних и приватно-пословних писаних споменика XVII века. У најфреквентнија средства за културно обраћање адресату спадају именице са значењем субјективне оцене на *-ишко/-ишка*, као и изведенице са суфигсима *-ец, -тель* и др.

В настоящей статье анализу подвергаются личные имена существительные, которые в русском языке XVII века служили средством передачи определенных чувств и выражения соответственного, положительного или отрицательного отношения пишущего к адресату.

Представленная в данной статье характеристика наименований лиц ограничивается к представлению способов употребления нарицательных существительных, образованных с помощью суффиксов: *-ка/-ко, -ок/-ек, -ишка/-ишко, -ушка/-ушко, -ошка, -онко, -ец, -ица, -тель* и т. п., например: *батько, дружок, зя-*

тишко, матушка, братец, сестрица, благодатель и др.

Источником для анализа материала послужили академические издания текстов, отражающих русский язык XVII столетия, близкий к разговорному (см. список источников в конце статьи). К ним принадлежат: грамотки, т. е. письма личного характера, челобитные, а также другие тексты делового содержания, например сказки (объявления), памяти, купчие, судебные дела, главным образом расспросные речи и т. п. Исследованные памятники иллюстрируют частно- и официально-деловую корреспонденцию как

Система 2006

между светскими (переписка родственников, знакомых, торговых приказчиков с хозяевами, грамотки крестьян к помещикам), так и духовными лицами.

К существительным, отличающимся оттенком экспрессивности принадлежат субъективно-оценочные наименования лиц, обладающие уменьшительным, ласкательным, уничижительным, а также уменьшительно-ласкательным и уменьшительно-уничижительным значениями.

130

Как полагает Н. С. Шапошникова, уменьшительные существительные занимают особое место в сфере суффиксального словообразования, так как по словам А. Белича в отличие от других типов словообразования «значение существительных остается и в производном слове неизменным, только с окраской индивидуальной оценки» (Шапошникова 1960: 71). Суффиксы субъективной оценки не нарушают лексического значения исходного существительного, так как отражают они или уменьшение (увеличение) предмета (лица), или же передают субъективно-экспрессивное отношение к нему, например ласкательное, уничижительное. В зависимости от контекстного окружения, чисто уменьшительное значение одного и того же слова сливается с ласкательным или пренебрежительным значением, вследствие чего слово получает разные экспрессивные оттенки.

Словообразование уменьшительных существительных со значением лица восходит к праславянской эпохе. В этот период данные существительные образовались с помощью суффиксов: *-ка* (< **-ька*, **-ька*), ср.: *babьka* : *baba*, *devьka* : *deva*; *-ец* (< **-ьсь*), ср.: *bratьсь* : *bratь*. Суффиксы типа *-ишко* (< **-iьko*), *-ушка* (< **-uьka*) возникли путем соединения праславянских уменьшительных суффиксов **-iьь*,

**-uьь* с суффиксами **-ьko*, **-ьka*, и образовали уменьшительные наименования лиц типа *bratiььko*, *deduььka* (Sławski 1974: 77, 79, 80, 93, 94). Таким образом, можно утверждать, что по происхождению суффиксы субъективной оценки делятся на первичные (*-ка*, *-ок*, *-ец*) и вторичные (*-ишка*, *-ушка*, *-енка*, *-енок*).

Несмотря на то, что образование уменьшительных существительных относится к древности, уменьшительные и ласкательные имена существительные, как замечает В. П. Фелицына, в литературе и документах XI–XV вв. представлены не богато (Фелицына 1960: 153). «Уменьшительные образования, будучи свойственны преимущественно разговорному языку, не могли быть отражены в достаточной мере в языке дошедших до нас памятников XI–XII вв., относящихся в основном к церковной литературе» (Борисова 1961: 185).

В памятниках XVI века субъективно-оценочные имена употребляются намного шире, и, наконец, богатый материал для наблюдений дает нам деловая письменность XVII столетия.

Уничижительные и ласкательные образования широко употреблялись в роли этикетных элементов канцелярского языка и эпистолярного стиля XVII в.

Этикет это «совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, [...] манеры [...])» (Формановская 1987: 8–9). Таким образом, под понятием этикета или этикетных оборотов в деловых памятниках подразумеваются такие словосочетания и формулы, которые служат выражению общеобязательных и общепринятых понятий и представлений данной эпохи. Такие словосочетания и формулы известны

также под названиями: стилистические (постоянные, устойчивые, стереотипные, традиционные) формулы или стилистические графареты (шаблоны). Кроме того, по С. С. Волкову к этикетным элементам следует относить «отобранные практикой, обязательные при оформлении какого-нибудь делового документа приемы изложения (введение в текст обращений к адресату, использование уточняющих членов предложения – приложений и т. п.), и набор традиционных определений и эпитетов [...] и использование тех или иных лексико-грамматических средств (например существительных с суффиксами субъективной оценки), а также типовые, обобщенные способы передачи определенной информации [...], например, [...] о ситуации, в которой находится адресант, о последствиях, которые может вызвать неудовлетворение его просьбы [...] и т. д» (Волков 1974: 112).

В XVI в. закрепилась сословная иерархия московского самодержавия, и укрепилось строительство централизованного государства, а также чиновническо-бюрократического аппарата. С этого времени в официально-деловой документации московских канцелярий становятся заметными образования с суффиксами *-ка*, *-ко*; *-ишко*, *-ишка*; *-ушко*, *-ушка* и т. п., имевшие уничижительный и ласкательный оттенок (Хабургаев 1990: 112). Именно существительные типа *батюшка*, *сыннишко* принадлежат к числу наиболее распространенных наименований лиц в этикетных формулах XVII века.

Согласно этикету надо было именовать уничижительными образованиями все, что связано с просителем и вообще с нижестоящим лицом при обращении к лицу вышестоящему (Хабургаев 1990: 112). Итак, канцелярский этикет в

XVII столетии выражался посредством уничижительных форм нарицательных существительных с личным значением, ср.: *Гсдрю моему братцу Автъръкъю Ивановичю **братишка** твои Мишка челомъ бьет* (Гр. 39); *внучишка твои Ивашка Шипов благословения твоего прошу* (Гр. 101); *пришли ко мне с роспискою грамотъ список а я ему отошлю по сем рабско челом бию **зятишко** твое Ивашко Сумороков* (Гр. 46); *челомъ гсдрь бью [...] что ты [...] жаловал **людишек** моих и **крестьянишек*** (ПРНЯ 17); *гсдремъ нашим [...] **крестьянишка** твои **старостишка** Лаврушка Воробев челом бьет* (ИРНЯ 22); *Московского гсдрьства бояром и воеводом бьют челом земъские сироты володимерские **оброчничишка старостишко** Сергеико Шохов с товарищи* (Пам. Влад. 149); *дочеришки твои Арютка да Дунка благословения прося и много челом бьют* (МДБП 24).

Из проанализированного нами материала вытекает, что имена лиц на *-ишко/-ишка* как правило обладали уничижительным, пренебрежительным значением. Однако, на самом деле, некоторые из существительных с указанным суффиксом характеризуются положительным, ласкательным оттенком значения: *Прибыла гсдрь ко мьне племянница брата моего **дочишка** сирота въдовица с **молчишкам*** (ИРНЯ 199).

Уничижительными именами обязательно именовали себя тогдашние писцы-профессионалы в подписях на официальных документах, ср. контексты употребления личного имени *подьячишко/подьячишка*: *а скаску писал Большого приходу **подьячишко** Рамашко Протопопов* (М. речь 291); *а рьчи писал за их руками по их велению володимерской площадной **подьячишко** Безсонко Конанов* (Пам. Влад. 167).

В подавляющем большинстве случаев образования типа *людишки, крестьянишко*, не отражают явления живого языка и представляют собой канцелярский этикет, закрепившийся сперва в челобитных, а затем в других типах официально-деловой, а также частно-деловой переписки между членами семьи.

Совсем по-другому обстоит дело с ласкательными именами лиц, так как они служили средством выражения уважения пишущего к адресату письма. Наименования лиц, обладающие оттенком ласкательности, употреблялись почти всегда вместе с именем адресата. За их посредством авторы писем уместно выражали свою благодарность и подчеркивали свое положительное отношение к лицу, к которому обращались и к его родственникам: *А похощь гсдрь мои батюшка ведат [...]* про здорове гсдря моего дедушка Ивана Федоровича (мдбп 25); *пожалуи гсдрь остереги подячего парнюшка добренек мочно во встм ему втрит* (Гр. 200); *Умилосердеса гсдрь дядюшка Андреи Иличь вели записат челобитье* (прня 31).

Конечно, рядом с наиболее часто употребительными в русском этикете XVII века дериватами на *-ишко, -ушка*, встречаются субъективно-оценочные наименования лиц с другими суффиксами, например уменьшительно-уничжительные: *бобылек* «человек не имеющий своей земли и не несущий государственного тягла», *мужиченко* «простолюдин, крестьянин», *человеченец* «зависимое лицо», *уничжительное: бабенцо* «жена», *уменьшительно-ласкательные: девочка, вдовица* и др., ср.: *да бобылек [в] дворишке один же* (мдбп 142); *и ннть я мужичонков своих тое дервни с Москвы отпустила* (ирня 63); *Изволиши ли ты гсдрь тое вдовицу держатъ въ вотчине твои* (ирня 199); *Вели мне обженит малчика свояго въ свои*

вотчине потому что бабенцо заскорбело и щишек сварит некому (ирня 236).

Итак, употребление уничижительных и ласкательных личных существительных было определено строгими условиями: первые характеризовали писчика и его близких, вторые относились к адресату и его семье. Кроме того, следует обратить внимание на то, что как уничижительные, так и ласкательные наименования лиц могли использоваться не только в инициальном и конечном протоколе, в формуле приветствия, челобития, но также в повествовательной части документов, ср.: *я тово своег крстьянинца беглова изымал с приставом и привел здес на Москве* (Гр. 125); *и онъ попъ [...] с сыном своим [...] женишку мою [...] били* (Пам. Влад. 194); *Зговорил гсдрь я бгомалец твои сестришку свою родную дѣвку замуж* (мдбп 56); *а робятокъ гсдрь из Боровъска твоих крстьянских малчика да девочку послал с крстьянином твоим* (прня 82).

Авторы писем употребляют уменьшительно-ласкательные и уменьшительно-уничжительные формы почти при каждом обращении к адресату, выражая новую мысль, а также в начале предложений.

Образования с суффиксами субъективной оценки обычно сохраняют род производящих слов, ср.: *бобылишко* : *бобыль*, *вдовица* : *вдова*, *тетушка* : *тетя*, *холопец* : *холоп*. Однако, особого внимания заслуживает история категории рода существительных с суффиксами субъективной оценки типа *батько, братишка, женишко*. Суффиксы *-ка/-ко, -ишка/-ишко, -ушка/-ушко* имели ласкательное или же в определенных контекстах уничижительное значение и грамматический показатель среднего рода. Сначала образования от основ названий лиц выступали на уровне сочетаний в среднем

роде, согласно грамматическому показателю *-ко*, *-ишко*, *-ушко* (Хабургаев 1990: 39), т.е. независимо от реального пола производящей основы, ср. *зятишко твое*, *сыннишко мое*. В официально-деловой переписке XVI века имена этого типа оформлялись как существительные среднего рода, даже в случае, когда они образовались от основ женского рода (Хабургаев 1990: 40). Это явление иллюстрируется и нашим материалом, ср.: *здравствуи на веки Лаврентеи Аничков [с] женишском и з детишками* (Гр. 89); и *женишко гсдрь мое от ево побои нне лежит при смерти* (мдбп 30); *Гсдрне и моети матушке [...]* *сестришко твое бтьдная и беспомошная вдова [...]* *челом бью* (ИРНЯ 116).

Г. А. Хабургаев указывает на факт, что позднейшую грамматическую характеристику таких образований как существительные мужского или женского рода (*мой сыннишка – моя женишка*) нельзя оценивать как результат закрепления «мотивированной» связи «грамматический род = естественный род (пол)», ибо то же изменение коснулось и существительных с предметным значением, «немотивированный» грамматический род которых оказался соотношенным с родом производящего имени, напр. *мой осадный дворишко* (м. р.) – *мой двор* (Хабургаев 1990: 40) и т. д.

В деловой письменности XVII в. универсальным показателем рода были флексии согласуемых слов – прилагательных, причастий и местоимений, которые в подавляющем большинстве случаев являются единственным средством выражения родового значения словоформ существительных с суффиксом субъективной оценки: *внучишко твои Костька Каблуков челом бьет* (Гр. 114); *по семь писав племянничишка твои Ивашко Коломин челом бьет* (ИРНЯ 97); *Недостойниши по-*

дьячишко Карпушка Никифоровъ блгословения прося челом бью (Гр. 314).

В плане содержания грамматический род был тогда обобщающим морфологическим классификатором имени существительного как части речи. В плане выражения категория рода последовательно оформлялась флексиями, т. е. на синтаксическом уровне. На морфологическом уровне категория рода оформлялась факультативно – посредством внешних флексий, т. е. с помощью словоизменяемых аффиксов (Хабургаев 1990: 42). Однозначными показателями родовой принадлежности были лишь отдельные флексии, например окончание *-у* в винительном падеже единственного числа как показатель женского рода; окончание *-а* в именительном падеже множественного числа как показатель среднего рода; окончание *-ы (-и)* как показатель родительного падежа женского рода единственного числа.

Вследствие распространения аканья записи с флексией *-а* и *-о* в именительном падеже единственного числа суффиксов *-ка*, *-ко*, *-ишка*, *-ишко*, *-ушка*, *-ушко* (Bartoszewicz, Groszkowa, Chaburgajew 1988: 104) перестали служить надежным показателем принадлежности к определенному грамматическому роду.

В исследованных памятниках деловой письменности среди наименований лиц субъективной оценки обнаруживаются словообразовательные синонимы, т. е. существительные, образованные от одной и той же основы посредством разных суффиксов, обладающие одинаковым значением. Необходимо уточнить, что рассматриваемые уменьшительные существительные могут различаться оттенком значения, ср.: *братишка* (уменьш.-уничиж.) – *братец* (уменьш.-ласк.), *крестьянишко* – *крестьянинишка* –

крестьянинец (уменьш.-уничиж.), *парнишко* (уменьш.-уничиж.) – *парнюшка* (ласк.), *девочка* – *девченка* (уменьш.-уничиж.), *сестрица* (уменьш.-ласк.) – *сестришка* (уменьш.-уничиж.), *дочка* (уменьш.) – *дочишка* (уменьш.-ласк.) – *дочушка* (ласк.) и т. д.

134

К одному и тому же корню-основе могут присоединяться суффиксы как первичного, так и вторичного происхождения. Удвоение или утроение суффикса, типа *батька* – *батьюшка*, *бобылек* – *бобылишка*, *робятки* – *робятюшки* усиливает экспрессивное и эмоциональное отношение говорящего к объекту высказывания: *Црю гсдрю [...] бьют челом [...] бобылки Томилко Потапевъ да Левка Федосъевъ (Пам. Влад. 174); сорокъ лошади поволилась у меня и у бобылишакъ моих (ПРНЯ 80); августа по КЗ де с Оксинею и с робятки жив (Пам. Влад. 266); я за твоё здоровье и за вес свои праведной дом бга молит и с робятюшки (ПРНЯ 50)*. Ср. также, что в парах типа *крестьянишко* – *крестьянишка* экспрессия сильнее выражается дериватом, который возник посредством присоединения суффикса непосредственно к форме производящего существительного. Итак, наименование лица *крестьянишка* отличается большим оттенком уничижительности чем *крестьянишко* и усиливает униженность автора письма к адресату: *Гсдрю Ивану Ивановичю крестьянишка твои староста Ермошка Макъевъ челом бьет (ИРНЯ 23); члвкъ ево и учал крестьянишакъ моих з дороги збиват и бит (МДБП 101)*.

Иногда члены синонимических рядов применяются по отношению к разным лицам. Ласкательному существительному *батьюшка/батьюшко*, использованному как обращение к отцу и к старшим лицам сопутствовала экспрессия интимно-уважительного отношения: *Гсдрю ншему*

батьюшку Иле Аврамъевичю детишки твои [...] челом бьютъ (ПРНЯ 13); Да пожалуи гсдрь мои батьюшка не держи нас без вести о своемъ многолѣтномъ здорове (МДБП 25). Существительное *батька/батько* как название отца не применялось, оно употреблялось как обращение к старшему лицу, не только по родству, но и по службе и званию, а также в функции определения духовного лица: *Гсдрю моему милостивому батку Андрью Иличу [...] Мишка Борицов челом бьетъ (ПРНЯ 51); а батко мои дхвной священноцерьи [...] близ смерти (Пам. Влад. 260)*. Ласкательное *братец*, в свою очередь, является формой вежливого обращения к адресату, главным образом старшему лицу и следовательно, в отличие от *братишка/братишко* сравнительно редко применяется по отношению к естественному брату автора письма: *гсдрь братец рожь твоя здесь сеена (Гр. 39); и после меня оставался братишко мои невелик Ивашко (МДБП 45)*.

Кроме указанных выше субъективно-оценочных существительных, в деловой письменности нашли употребление и другие наименования лиц, исходное значение которых теряется в эмоционально насыщенных формулах обращения к адресату. В таком случае на первый план выдвигается их контекстуальное значение. К таким образованиям принадлежат личные существительные с суффиксом *-тель*.

Итак, в материалах частно-деловой и реже – официально-деловой корреспонденции можно встретить церковнославянские слова на *-тель*, которые входят в состав формул начального и конечного протокола, т. е. тех мест писем, где корреспондент обращается к адресату – светскому или духовному лицу. Генетические старославянизмы типа *благодетель*,

равно как и книжные образования типа *добродетель* сохраняют здесь отпечаток высокого торжественного стиля и поэтому часто употребляются в этикетных оборотах, ср.: *Благодатель гсдрь мои ба-тюшко [...] здравствуи (Гр. 46); добродетель милости Зотька Толбузин челом бью (ИРНЯ 109)*. Кроме того, в письменном этикете деловых памятников нашли свое отражение имена существительные, обладающие агентивным значением и обозначающие лиц по определенному признаку, например: *желатель, искатель, любитель, питатель* и т. д., ср.: *Я того слышати всегда желатель по всякъ чсъ (ПРЯ 9); О сем вечно искател млсти твоеи къ себъ Васка Челюскин раболепно челом бьет (ИРНЯ 60); А я тебъ любителю своему челом бью (Гр. 19)*. При этом следует заметить, что имена на *-тель*, главным образом сложные слова, будучи книжно-литературными по происхождению, не отражают живого словообразовательного процесса. Имеем здесь дело только с этикетным их употреблением в деловых стилях.

Девербативы на *-тель*, входящие в состав этикетных оборотов, относятся непосредственно к адресату или его семейному окружению (*благодетель, доброжелатель*) или же к автору письма, определяющему свое отношение к адресату (*желатель, искатель*). Два из них: *желатель* и *искатель*, по-видимому, составляют устойчивые словосочетания, ср.: *искатель милости, искатель благословения, искатель приятства; (того) слышати желатель, (твоего здаровя) слышать желатель* (см. выше).

Книжные (церковно-религиозные) и разговорно-бытовые по своему происхождению и стиливой принадлежности элементы этикета, «повторяясь из акта в акт в тех же самых позициях, в аналогич-

ных сочетаниях, с одной и той же функцией, [...] становятся одним из стиливых средств данной разновидности деловых памятников или деловой письменности в целом, как бы утрачивая связь с той языковой средой, к которой они генетически восходят» (Волков 1974: 112).

Подобного мнения придерживается С. И. Котков. Он утверждает, что грамотки, обслуживающие сферу неофициального, интимного общения не утрачивают разговорного характера даже «помимо зачина и концовки, порою не свободных от фразеологии, навеянной церковной книжностью» (Котков 1972: 38). Использование в начальном и заключительном протоколе писем-грамоток церковно-книжных слов и выражений, не указывает на сознательное стремление к литературности, а знаменует только усвоение писцами, в готовом виде исторически сложившихся формул эпистолярного этикета (Котков 1972: 42).

Безусловно, в официально-деловой и частно-деловой переписке представлены подьяческие навыки. С одной стороны письменный этикет эпохи связан с профессиональной привычкой, с другой же посредственно отражает роль книжной культуры и просвещения в канцелярской среде. Заметно, что употребление церковнославянизмов не ограничивается лишь корреспонденцией между светскими или духовными лицами. Если автором письма или документа является светское лицо, тогда очевидно, перед нами свидетельство тех форм обращения, которые были связаны с религиозным воспитанием.

Из выше сказанного несомненно вытекает, что при описании лексики разговорно-бытовой речи (например, грамоток, челобитных и др.), следует учитывать возможность использования в определенных контекстах деловой письменности (в

нашем случае в этикетных обращениях) также и книжной лексики. Не подлежит сомнению, что названия лиц с суффиксом *-тель*, в том числе и сложные слова, на протяжении XVII столетия были широко распространенным лексико-грамматическим средством выражения уважения к адресату.

136

Отдельного внимания заслуживают имена лиц с суффиксом *-ец*, не принадлежащие к субъективно-оценочным существительным. В этикетных оборотах частно-деловой и официально-деловой корреспонденции XVII столетия они употребляются значительно реже. Стоит однако привести здесь дериваты *кормилец* и *милостивец*, которые определяют адресата письма и служат средством выражения уважения пишущего, вежливого обращения к получателю письма. *Кормилец* это не просто «тот, кто кормит»

а «благодетель». Таким же значением обладает существительное *милостивец*, ср.: *умилис мои кормилец постетствуи стому еванелию блажени милостивии яко тыи помиловани будуть (ирня 60); батко мои гсдрь и милостивець Дмитреи Иванович рекль ты мнѣ пожаловать пять ведрь вина (ирня 96).*

По всей вероятности, с помощью всех обнаруженных нами этикетных средств, писцы выражают свою униженность и подчеркивают свою действительную, а иногда и мнимую зависимость от того, к кому обращено письмо. Впрочем, самоуничижение автора вместе с проявлением уважения к адресату составляет норму эпистолярного этикета XVII века. Таким образом, этикетные элементы не только называют те или иные понятия, но и выполняют эмоционально-экспрессивную функцию.

summary

Σ The ways of expressing emotions with the help of suffixal personal nouns (on the basis of the 17th century Russian private and official documents)

The author discusses deappellative personal nouns, characteristic of the linguistic etiquette in the Russian language of 17th century. The subjects of analysis are both private and official documents, which illustrate the language close to the common parlance. In polite expressions referring to the addressee we mostly find diminutive-hypocoristic forms and other nouns, for example with suffixes *-тель* and *-ец*.

Источники

- Гр.: Котков, С. И. Грамотки XVII – начала XVIII веков. – Москва, 1969.
ирня: Котков, С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII веков. – Москва, 1964.

- мдбп: **Котков, С. И., Орешников А. С., Филиппова И. С.** Московская деловая и бытовая письменность XVII века. – Москва, 1968.
- М. речь: **Котков, С. И.** Московская речь в начальный период становления русского национального языка. – Москва, 1974. – С. 287–355.
- Пам. Влад.: **Котков, С. И.** Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. – Москва, 1984.
- прня: **Котков, С. И., Тарабасова Н. И.** Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. Москва, 1965.

Библиография

- Борисова 1961: **Борисова, Е. М.** О способах образования имен существительных в памятниках деловой письменности XVI–XVIII вв. (на материале рязанских памятников). In: Ученые записки Башкирского государственного университета. – Серия филологических наук. – Уфа. – № 2 (6), вып. 8. – С. 175–193
- Волков 1974: **Волков, С. С.** Лексика русских челобитных XVII века. – Ленинград.
- Котков 1972: **Котков С. И.** О памятниках народно-разговорного языка. – In: Вопросы языкознания. – № 1. – С. 37–45.
- Шапошникова 1960: **Шапошникова, Н. С.** К вопросу о древнейшем типе образования уменьшительных существительных в славянских языках. In: Вестник Московского Университета. – № 2. – С. 71–76.
- Фелицына 1960: **Фелицына, В. П.** К истории разговорной лексики. In: Ученые записки Ленинградского государственного университета. – Серия филологических наук. – № 267, вып. 52. – С. 152–162.
- Формановская 1987: **Формановская, Н. И.** Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – Москва.
- Хабургаев 1990: **Хабургаев Г. А.** Очерки исторической морфологии русского языка. Имена, Москва.
- Bartoszewicz, Groszkowa, Chaburgajew 1988: **Bartoszewicz A., Groszkowa K. Chaburgajew G.** Очерк исторической фонетики и морфологии русского языка. – Warszawa.
- Sławski 1974: **Sławski, Franciszek.** Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. In: Słownik prasłowiański. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk. – T. 1. – S. 43–141.